

УДК 1(091):108.1

Дружинин В.И.¹

**ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА
ГЕРОИЧЕСКОЙ ЭТИКИ**

Тулский государственный университет

Druzhinin V.I.

**HISTORY OF PHILOSOPHICAL PROBLEMATICS
OF HEROICAL ETHICS**

Tula State University

Реферат: *Героическая этика – специфическое направление этической теории, связанное с совершением людьми особых поступков, в которых проявляется высшая мера нравственной ответственности, предельной стойкости при исполнении морального долга вплоть до самопожертвования. Подвиг, как правило, вынуждается какими-то чрезвычайными условиями и обязательствами, заставляющими человека проявлять сверхдолжную доблесть.*

Ключевые слова: *философия, героическая этика, совесть, честь, русская философия, Ренессанс, средние века, античность, Новое время.*

Abstract: *The heroic ethic-specific direction ethical theory, associated with the Commission of trafficking special acts where there is a measure of moral responsibility, the utmost firmness in the execution of moral duty until self-sacrifice. a feat usually compelled by some extreme conditions and obligations, forcing the person to exercise superduty prowess.*

Keywords: *philosophy, heroic ethics, conscience, honour, Russian philosophy, Renaissance, middle ages, antiquity, new time.*

¹ Дружинин Виктор Иванович - кандидат философских наук, доцент кафедры теологии Института гуманитарных и социальных наук Тульского государственного университета.

В европейской этической традиции можно выделить несколько исторических форм проявления героической этики, связанных с конкретными типами субъекта героической этики – героя (героизм античного эпоса, спартанский героизм, христианский религиозный героизм мученичества, рыцарский героизм средневековья, героизм гения в возрождении, героизм немецкого романтизма XIX века, буржуазный героизм, революционный героизм, массовый героизм).

Героизм характеризуется манифестацией нового типа ценностей либо подтверждением из прежней иерархии, поэтому следует различать содержание и форму героического поступка. Эмпирический героизм проявляется сходным образом в различных нормативно-ценностных содержательных его характеристиках. Поэтому конкретный героический феномен необходимо нуждается в содержательной экспликации его аксиологии и деонтологии. героизм есть нечто всегда сверхдолжное, следовательно, безусловно подчиненное буквальному выполнению долга. при этом героя характеризует безусловный приоритет чести над иными мотивационными критериями и обязательствами. Принцип чести предписывает герою безусловное следование долгу. Для дешифровки героического содержания поступка, следовательно, необходим его аксиологический анализ.

Генезис героической этики, определяющий ее аксиологическую детерминацию, дифференцируется следующим образом: 1) натуралистическая героическая этика (Гомер, Дж. Бруно, Фр. Шлегель, Т. Карлейль, Фр. Ницше) представляет собой такую точку зрения на основании героического, которая помещает его в глубину человеческой природы героя, что дает основание рассматривать его как сверхчеловека, природа которого превосходит природу других людей. Это позволяло аристократам связать принцип чести с “принципом крови”, что легитимизировало социальную иерархию природными факторами. Отсюда такое пристальное внимание к родовой генеалогии у правящего сословия; 2) супранатуралистическая детерминация героической этики (древне-еврейские пророки, религиозный героизм мучеников-христиан I-III веков н.э., протестантская этика, этика харизматических сект) связывает сущность героизма с имманентным проявлением Бога в судьбах мира, выражающемся в его всемогуществе, всеведении и всезнании.

В героическом опыте христиан-мучеников источником героизма является Богочеловеческое мученичество Иисуса Христа, которое адекватно именуется Божественным кенозисом (истощанием и добровольным самоумалением Богочеловека). Героизм мучеников был обусловлен их представлением о спасении – те, кто доб-

ровольно умирает за Христа, наследует жизнь вечную (обоживается). Критерием и идеалом мученического героизма были крестные муки Христа, которые позволяли человеку преодолеть ограниченность своей природы. Это обуславливало примат эсхатологических настроений.

После Миланского эдикта императора Константина Великого христианский героизм приобретает более терпимое отношение к миру и актуализируется как христианский монашеский аскетизм.

Протестантская этика провозглашает новый тип героизма, основанного на мирской поведенческой аскезе (М. Вебер) [3, с. 5-50], источником которого является концепция божественного предопределения; 3) социально детерминированная героическая этика (спартанский героизм античности, рыцарский аскетизм средневековья, воинский аскетизм, революционный героизм, массовый героизм времен Первой и Второй мировых войн, трудовой героизм первых пятилеток) обусловлена сословно-классовыми и идеологическими факторами.

Источником проявления героизма в досократовской античности было приятие судьбы как безусловно должного. Героическая активность не допускала индивидуальной рефлексии и автономного ценностного выбора. Героизм был обусловлен судьбой и безальтернативен. Античный героизм характеризуется стремлением к чести, наиболее неприемлемо здесь –

прослыть смешным (утратить доблесть) (М.Оссовская). Этим и обусловлено мужество античного героя. Для поддержки и утешения в суровой жизненной борьбе и в качестве объяснения великих деяний человечество всегда нуждалось в гипотезе о высоком назначении человека, о превосходящей обычную меру человеческой силе и отваге. Мифологическое мышление переносило осуществление такого величия в сферу сверхчеловеческого. Герои были полубогами: Геракл, Тесей. Еще в период расцвета Эллады термин “герой” перешел на простых смертных людей: на павших за отечество, на тираноубийц. Однако это были всегда уже мертвые. Культ мертвых был зерном героической идеи. Понятие “герой” стояло рядом с понятием “почивший”. Лишь впоследствии, вообще, говоря, только риторически, оно распространилось и на живущих (Й. Хейзинга) [1, с. 321-336].

Героическое поведение Сократа во время суда над ним показывает иную ценностную детерминацию героической этики, обусловленную видимым лишением доблести и славы. Мужество Сократа обусловлено уверенностью в правоте собственных суждений, следование которым он считал безусловным долгом. Этот героизм без чести жестко критиковался Ф.Ницше [2].

Спартанская героическая этика имела своей целью воспитание идеального воина. Лишь только самым мужественным и смелым

воинам позволяли вступать в брак. Здесь можно проследить натуралистический детерминизм героической этики. Такой героизм вряд ли можно назвать добровольным, так как он было обусловлен соответствующим воспитанием и жесткостью социальной системы. В силу этого спартанская героическая этика не подчиняется современному философскому критерию универсализуемости.

С приходом Ренессанса в европейской мысли вызревает новое представление о доблести человека. Акцент падает теперь главным образом на качества ума и поведение в свете. В типах *virtuoso* (доблестный) или *homo singolare* (выдающийся человек) мужество есть лишь одна из многих добродетелей, самопожертвование не является преобладающей чертой, главным считается успех (Й. Хейзинга) [1, с. 321-336]. Специфической формой героического становится гениальность. Дж. Бруно в своей героической любви, понимаемой платонически, героизирует акт познания как некоего объединяющего мир начала, основанного на внутренней гениальности человека.

Эта тенденция в героической этике логически привела к обожевлению человека - героя, задала иное аксиологическое прочтение содержания героического в истории этики. Герой - это сверхчеловек, ниспровергатель традиционных ценностей, презирающий толпу, не способную по своей трусости возвыситься до героизма

– стать “по ту сторону добра и зла” (Ф.Ницше) [2].

Русские революционные народники (Ткачев, Лавров) дали свою трактовку героической этики. Революция, по их мнению, может произойти лишь благодаря усилиям героев – одиночек, которые своим доблестным, мужественным примером увлекут за собой народные массы.

Коммунистическая этика (Ленин, Троцкий) пыталась разрешить противоречие между индивидуальным и массовым героизмом: герой своим примером должен был инициировать массовый героизм, мотивом такого героического поведения было не личное благо, а счастье масс.

Экзистенциалистская концепция героизма (А. Камю, Ж.П. Сартр) [4, с. 230-232] основывается на признании заброшенности человека и его отчаяния. Героизм заключается в свободном выборе человека и в самом факте его существования в аспекте преодоления абсурда.

Специфический тип героической этики конституирует романтизм “... нарождающийся романтизм открывает в свою очередь новый образ героя, который как духовная ценность скоро превзойдет греческих атлетов: это германский и кельский герой” (Й. Хейзинга) [1, с. 321-336]. Т. Карлейль противопоставляет доблесть героя глупости толпы, призывая к личностному поклонению герою. Герой может не признавать общепринятых норм, которым следует

“глупая толпа”. “Гении - наши настоящие люди, наши великие люди, вожди тупоумной толпы, следующей за ними, точно повинувшись велениям судьбы. Они обладали редкой способностью не только “догадываться” и “думать”, но знать и верить. по натуре они склонны были жить не полагаясь на слухи, а основываясь на определенных воззрениях. в то время как другие, ослепленные одной наружной стороной вещей, бесцельно носились по великой ярмарке жизни, они рассматривали сущность вещей и шли вперед как люди, имеющие перед глазами путеводную звезду и ступающие по надежным тропам” (Т. Карлейль) [3, с. 213-237].

Дж. Вико отмечал определенный кризис героической этики в Новое время в связи с тем, что формулируются конкретные требования для каждого индивида, конституирующие нормы его поведения, устанавливающие коннотации между его правами и обязанностями. Указанный кризис героической этики привел к генерированию новых типов ее. “Героический идеал, таким образом, постепенно более или менее явно расслоился на театральный, историко-политический, философско-литературный и поэтически-фантастический виды” (Й. Хейзинга) [1, с. 321-336]. Этот процесс наглядно характеризует кризис героизма в качестве показателя краха проекта модерна в этике.

Особенность русской героической этики исследовалась С.Н.

Булгаковым. Интеллигенция по отношению к русской истории и современности находилась в положении героического вызова, при этом единственным критерием его адекватности была индивидуальная самооценка. Героизм - вот то слово, которое выражает, по моему мнению, основную сущность интеллигентского мировоззрения и идеала. Факторы способствующие героическому настрою интеллигенции следующие: “его оторванность от почвы, суровая историческая среда, отсутствие серьезных знаний и исторического опыта...”. Отсюда и доминирующее настроение русского интеллигента может быть оценено как “состояние героического экстаза, с явно истерическим оттенком. Россия должна быть спасена, и спасителем ее может и должна явиться интеллигенция. Ни что так не утверждает психологии героизма, как внешнее преследование, гонения, борьба с ее перипетиями, опасность и даже погибель” (С.Н. Булгаков) [5]. Это и привело в России к торжеству революционной, коммунистической этики, основанной на специфическом типе революционного героизма, обусловившем проект модерна в русской этике XX века. Конкретное выражение данного типа героической этики в России - культ личности вождя (героя), с одной стороны, и безликих революционных масс с другой стороны.

Крах проекта модерна, обусловленный крахом революцион-

ного героизма в России, исторически детерминировал постмодернистский кризис героической этики в нашей стране. Здесь возможны два пути в качестве выхода из него - как показывает философский анализ: 1. рецепция западно-

го идеала героизма либерального типа; 2. реконструкция и реанимация коммунистического героического идеала и, как следствие этого, поворот от этики постмодерна к новому проекту этического модерна.

Список литературы

1. Хейзинга Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня. М: Прогресс-академия, 1992.
2. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. Прелюдия к философии будущего // Ницше Ф. Сочинения в 2 т. Т. 2. М: Мысль, 1990. С. 238-405.
3. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда // Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М: Наука, 1991.
4. Фромм Э. Психоанализ и этика. М: Республика, 1993.
5. Булгаков С.Н. Героизм и подвижничество // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. Репринтное воспроизведение изд. 1909 года. М: Новое время - Горизонт, 1990. С. 23-70.

References

1. Heizinga J. Homo ludens. V tyenyi zavtrashnyego dnya. M: Progress-akademiya, 1992.
2. Nizshe F. Po tu storonu dobra I zla. Prelyudiya k filosofii buduschego // Nizshe F. Sochineniya v 2 t. T. 2. M: Myisl, 1990. S. 238-405.
3. Dyurkgeim E. O razdelyeniyi obschestvennogo truda // Dyurkgeim E. O razdelyeniyi obschestvennogo truda. Metod sociologiyi. M: Nauka, 1991.
4. Fromm E. Psihoanaliz I etika. M.: Respublika, 1993.
5. Bulgakov S.N. Geroizm I podvizhnichestvo // Vyehi. Sbornyik statyei o russkoi intelligentsii. Reprintnoye vosproizvedeniye izd. 1909 goda. M: Novoye vryemya – Gorizont. 1990. S. 23-70.